

Вл.В. Седов*

ОБ АНТРОПОМОРФНОСТИ ДРЕВНЕРУССКИХ ХРАМОВ

VI.V. Sedov

CONCERNING THE ANTHROPOMORPHISM OF ANCIENT RUSSIAN CHURCHES

Аннотация. Статья посвящена пока еще совсем не изученному вопросу о возможном антропоморфном восприятии древнерусских церквей. Работа основана на изучении древнерусских письменных источников, в основном летописей, а также описей, грамот, житий, описаний путешествий. Сведения, извлеченные из письменных источников, сгруппированы в статье по отдельным словам, которые при описании церкви использовали древнерусские литераторы в качестве антропоморфных терминов: верх, глава, лоб, шея, подглавие, плечи, пояс, подошва. В некоторых документах встречаются единичные термины или их пары; есть примеры более последовательного употребления нескольких терминов сразу. Хронологически антропоморфные термины были распространены в древнерусской письменности на всем протяжении ее существования, т.е. с XI по XVII в. Они встречаются в самом широком круге документов. В результате изучения терминов было выявлено, что древнерусская церковь описывалась примерно так же, как человеческая фигура, причем порядок описания был сверху вниз. Подобные описания с такой же последовательностью, с использованием похожих антропоморфных терминов находим в итальянском и поствизантийских руководствах по живописи, где дается пропорциональный анализ человеческой фигуры. Некоторые схожие с древнерусскими антропоморфные термины встречаются в византийских описаниях храмов или в виде отдельных слов. Можно предположить, что древнерусский набор антропоморфных терминов имеет византийское происхождение. Сравнение с человеческой фигурой, возникающее при чтении подобных описаний, является вероятным ключом к пониманию пропорций древнерусских церквей, которые оценивались через призму человеческих пропорций и их стандартов того времени. На основе предлагаемого нами подхода возможно также более широкое употребление исторических, документированных терминов в современной искусствоведческой литературе. Круг антропоморфных терминов, описы-

* *Седов Владимир Валентинович*, доктор искусствоведения, член-корреспондент РАН, заведующий кафедрой истории отечественного искусства исторического факультета МГУ, главный научный сотрудник Института археологии РАН

Sedov Vladimir Valentinovich, Doctor of Arts, Corresponding Member of the Russian Academy of Sciences, Head of the Department of History of Russian Art, Faculty of History, Moscow State University; Chief Researcher, Institute of Archeology, RAS

+7-495-939-26-84; sedov1960@mail.ru

вающих архитектуру древнерусских церквей, достаточно широк и неплохо документирован, возможно, он будет еще расширен в дальнейшем, но уже сейчас на его основании можно обогатить наши представления о понимании архитектуры в средневековой Руси.

Ключевые слова: Древняя Русь, древнерусская архитектура, церкви, летописные источники, грамоты, описи, пропорции в архитектуре, античные и византийские источники, возможное византийское происхождение.

Abstract. The article concerns the still completely unexplored issue of the possible anthropomorphic perception of the Old Russian churches. The work is based on the study of Old Russian written sources, mainly chronicles, as well as inventories, charters, lives, travel descriptions. The information extracted from written sources is grouped in the article by individual words, which were used by Old Russian writers as anthropomorphic terms when describing the church: “top”, “head”, “forehead”, “neck”, “under head”, “shoulders”, “belt”, “foot”. Some documents contain single terms or their pairs; there are examples of a more consistent use of several terms concurrently. Chronologically, anthropomorphic terms were common in Old Russian literature throughout its history, that is, from the 11th to the 17th centuries. They are found in an extensive range of documents. A careful examination of the terms has revealed that the Old Russian church was described in approximately the same way as a human figure, and the objects were described sequentially from top to bottom. Similar descriptions with the same sequence, using similar anthropomorphic terms, are found in Italian and post-Byzantine painting manuals, where a proportional analysis of the human figure is given. Some anthropomorphic terms similar to the Old Russian ones are found in Byzantine descriptions of temples or in the form of separate words. It can be assumed that the Old Russian set of anthropomorphic terms is of Byzantine origin. The comparison with the human figure, that arises when one reads such descriptions, is a likely key to understanding the proportions of ancient Russian churches, which were interpreted through the prism of human proportions and their standards of the time. The proposed approach also permits more extensive use of historical, written terms in contemporary art history literature. The range of anthropomorphic terms describing the architecture of ancient Russian churches is quite wide and well documented. Perhaps it will be expanded in the future, but already now, on its basis, it is possible to enrich the understanding of architecture in medieval Russia.

Keywords: Old Russia, Old Russian architecture, churches, chronicles, charters, inventories, proportions in architecture, Ancient and Byzantine sources, possible Byzantine origin.

* * *

Исследователю древнерусской архитектуры часто приходится сталкиваться с проблемой определения пропорций каменных храмов. Зритель оценивает эти пропорции в целом, распределяя их чаще всего на тяжелые, обычные и вертикальные, т.е. на три группы. Но это деление очень условно, оно основывается на первичной оценке и может помочь только при беглом анализе. Материал — древнерусские храмы — очевидно требует более глубокого исследования

пропорций, но источников, на первый взгляд, не хватает для академического изучения ситуации с пропорциями.

Дело в том, что в древнерусской письменной традиции не было полноценного, общего и детального описания архитектурных сооружений, отсутствует сам жанр такого описания, экфрасис, распостраненный, например, в Византии¹. Это существенно затрудняет подход к материалу.

Несколько лет назад, описывая и анализируя архитектуру церкви Двенадцати Апостолов на Пропастях в Новгороде, автор этой статьи предположил, что вытянутые пропорции этого храма как-то связаны с антропоморфностью православных храмов, что посредством утонченных, вытянутых пропорций они передают благодать — примерно так, как это происходит на иконах². Однако это предположение буквально повисло в воздухе, поскольку требовало фактического подтверждения.

В течение нескольких лет автор собирал материал, в котором содержатся древнерусские описания или упоминания церквей (другие постройки рассматривались только в качестве дополнительных примеров), которые, как оказалось, книжники видели фрагментарно, называя отдельные части храмов словами, обозначающими части человеческой фигуры. Таких описаний набралось довольно много, они складываются в достаточно цельную картину, рассмотрение которой мы начнем с верха здания, и постепенно будем опускаться вниз, фиксируя известные нам древнерусские определения.

Верх

Нередко завершение храма, его барабан и купол над ним, называется в источниках «верхом». Так, в рассказе древнерусского «Сказания чудес святых мучеников Романа и Давида» говорится о катастрофе верха построенного князем Святославом Ярославичем (князь киевский в 1073–1076 гг.) храма в Вышгороде, который упал вниз и разрушил весь остальной храм.

В 1467 (6975) г. при обновлении монастырской церкви Вознесения видно, что храм был построен прежней заказчицей до уровня «кольца», выше которого должен был быть «верх», но верх этот не был сведен, закончен: «Того же лѣта обновлена церкви на Москвѣ Възнесеніе каменое великою княгинею Маріею Васильевою Васильевича, а заложена была та церковь великою княгинею Еудокеею

¹ *Macrides R., Magdalino P.* The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // *Byzantine and modern Greek Studies* (BMGS). 1988. N 12. P. 47–82.

² *Седов Вл.В.* Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // *Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина.* М., 2009. С. 172–189.

Дмитріевою Ивановичя преже сего за 60 лѣтъ и два лѣта, и при ней не много ея въздѣлано; и того же лѣта преставися и положена въ тои же церкви. По многихъ же лѣтахъ начать ту церковь съврѣшати великая княгини Софіа и съврѣши ея по кольцо, идѣже врѣху бытии, но врѣху не сведе. По многихъ же пожарѣхъ изгорѣвшу каменію около ея, и сводомъ двигшися, княгини же великая Маріа въсхотѣ ея разобравъ нову поставити, а внутри ея все твердо ...»³.

Верхи у церкви могли считать так, как это было сделано в древнерусском «Сказании чудес святых мучеников Романа и Давида. В «Чуде втором о слепце» содержится рассказ о построении киевским князем Ярославом Мудрым (1019–1054) церкви над местом погребения Бориса и Глеба в Вышгороде; подчеркивается, что выстроенный храм был с пятью верхами: «И годѣ бысть князю съвѣтъ его, и възгради церквь велику, имѣющую врѣховъ 5, и испьса всю, и украси ю всею красотою»⁴. Эта церковь через 20 лет уже стала разрушаться, и сын князя Ярослава, князь Изяслав Ярославич (1054–1078) задумал построить на ее месте уже одноглавый храм: «И минувшемъ лѣтомъ 20, и църкьви уже обетѣшавъши, и умысли Изяславъ възградити църквь нову святыима страстотърпцема въ врѣхъ въ одинъ»⁵.

Считал количество верхов некоторых древнерусских храмов и автор текста «Списка русских городов дальних и ближних», составленного на рубеже XIV–XV вв.: «Киев деревян на Днепре, а церкы святаа Богородиця Десятиннаа камена была о полутретьятцати версех, а святаа Софіа о 12 версех»; «Новгород Великий, детинец камен. А болшии деревян. А святаа Софіа о шести версех»⁶.

Верхи считает и автор статей о постройке Успенского собора во Владимире в Тверской летописи. В статье о событиях 1158 г. летописец говорит о храме с одним верхом: «Въ лѣто 6666. Князь великий Андрей Юриевичъ заложи Володимери церковь святую Богородицу Успение каменну, обь единомъ версѣ, априля 8; и дасть ей много имениа, свободы купленыа и з данми, и села лучшаа, и десятое в стадехъ своихъ, и в торгу десятое»⁷. В статье о смерти князя Всеволода Большое Гнездо (под 6720 годом) в той же летописи говорится сначала об одноверхом храме князя Андрея, а потом о прибавлении четырех верхов князем Всеволодом: «Тоѣ же весны, априля 15, на память святыхъ апостоль Аристарха (Пуда и Трофима), преставися благовѣрный

³ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 217.

⁴ Святые князья-мученики Борис и Глеб / Исследование и подготовка текстов Н.И. Милютенко. СПб., 2006. С. 322.

⁵ Там же. С. 324.

⁶ Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 94, 96.

⁷ Рогожский летописец, Тверская летопись // ПСРЛ. Т. XV. М., 2000. С. 226.

князь великий Всеволодъ Юриевичъ, зовемый Димитрий, въ недѣлю; а въ понедѣльникъ положень бысть въ гробъ въ церкви свята Богородица Владимерския, юже създаль братъ его Андрѣй объ единомъ версѣ, онъ же пристави четыри връхи и позлати»⁸.

Верхов может быть просто «много», как это видно из сообщения Русского хронографа под 1550 (7058) г. о том, что у строящейся церкви (собора) Новодевичьего монастыря в Москве обвалились верхи и упавшие части убили строителей и проломили церковный пол («мост»): «Того жъ лѣта в Новодѣвичьемъ монастырѣ, что на Дорогомилловѣ, у церкви Рожества Пречистыя каменные верхи обвалилися, во июли мѣсяцы, и до земли мость проломило, людей много побило, которые церковь дѣлали»⁹.

И все же, несколько верхов — это, скорее, исключение. Верх обычно один, он подобен «верху» человека, его шее и голове, это завершение, кульминация храма. Во всяком случае, ситуация с одним верхом ближе к антропоморфной структуре, тогда как несколько верхов все же предполагают наличие одной средней или основной доминанты (верха) и подчиненное положение остальных верхов, всегда меньших по размерам.

Верх храма мог быть позолочен, покрыт позолоченными медными листами или просто золотыми листами. В летописных источниках церковь может называться Златоверхой или Золотоверхой, как, например, церковь Михаила Архангела, заложенная в киевском монастыре князем Святополком Изяславичем в 1108 г.: «Заложена быс(ть) церкы с(вя)таг(о) Михаила Золотоверхая С(вя)тополком князем въ 11 июулия м(е)с(я)ца»¹⁰.

Золотоверхой называлась и церковь (позднее собор) Успения во Владимире, построенная по заказу князя Андрея Юрьевича (Боголюбского) в 1158–1160 гг.; о начале работ по росписи этого храма в 1161 г. летописец сообщает: «Почата быс(ть) писати ц(е)рк(в)ы Володимери Золотоверхая, а кончана августа въ 30»¹¹.

Известно, что в Византии термин «Златоверхий» применялся к храму Пресвятой Богородицы в Трапезунде: в поздневизантийское время хроника Михаила Панарета называет этот храм Златоверхим (даже точнее — Златоглавым, Хрисокефал) в сообщениях 1297, 1342, 1364 и 1426 гг.¹² Это, вероятно, значит, что термин Златоглавый (Зо-

⁸ Там же. С. 311.

⁹ Русский хронограф // ПСРЛ. Т. XXII. СПб., 1911. С. 531.

¹⁰ Лаврентьевская летопись и Суздальская летопись по Академическому списку // ПСРЛ. Т. I. М., 1962. Стлб. 283..

¹¹ Там же. Стлб. 351.

¹² *Михаил Панарет. О Великих Комнинах (Трапезундская хроника) / Критическое изд. и перевод под ред. академика РАН С.П. Карпова. СПб., 2019. С. 79, 85, 101, 113.*

лотоверхий) пришел на Русь из Византии; кроме того, ясно, что в Византии верх храма называли «главой», «головой».

Верх = лоб

Вместе с тем, верх мог быть обит («побит») железом, т.е. покрыт железными листами, как об этом под 1467 (6975) г. сообщает Первая Псковская летопись: «Побиша железом верх оу святеи Троицы, а повелением раб божиих старост Леонтия посадника Макаринича и Юрья Тимофеевича»¹³. И та же часть того же самого храма, названная в одной летописи «верхом», в другой летописи могла быть названа «лбом», т.е. по части человеческого тела: «Побиша лоб оу святыа Троица железом»¹⁴ (Псковская 3-я летопись). Итак, у церкви может быть «лоб», этот лоб располагается там же, где и верх — в районе барабана и купола. Купол это и есть лоб.

Лоб

Наверху церкви возвышается лоб, который принимает на себя удар молнии, в приведенном ниже летописном сообщении 1533 (7041) г., касающемся церкви Бориса и Глеба на Арбате в Москве. Молния разбила маковицу под крестом (т.е. сделанный выше купола второй купол, устроенный по журавцам из какого-то материала, чаще из железа), потом пробила лоб церкви (собственно купол, свод церкви над барабаном) и прошла ниже, проникнув и через пол храма («мост в церкви»): «Тоѣ же весны, Маія 24 въ субботу, въ 13 часъ дни, бысть туча з западные страны страшна, и гром велій и молонія, и разшибе молонію у церкви святыхъ праведныхъ страстотерпець Бориса и Глѣба маковицу подъ крестомъ и прошибе лобъ церьковный и мость въ церкви; и на томъ же Арбатѣ уби молоньею женщину да дѣвицу»¹⁵.

Глава

Над церковью возвышается, как мы видели выше, «верх», у которого может быть «лоб». Но эту же часть называют также «главой», как это сделано в сообщении 1641 г. о грозе и попадании молнии в церковь Успения на Козьей Боротке (на Торгу) в Новгороде: «В лето 7149 июня в 30 день во 12 час дни в Великом Новеграде у Вуспения богородицы на Козьи Бородки от грома и молнии стрелкою громовою розбило главу и шею церковную пробило, и в церкви святей святых икон много опалило, и оклады иконные посодрало и перепортило, и идее за правым крылосом и столпом в помост церковный, и четверть столпа церковнаго разбило»¹⁶. Термин «глава», безусловно, более

¹³ Псковские летописи. Вып. 1. М.; Л., 1941. С. 73.

¹⁴ Псковские летописи. Вып. 2. М., 1955. С. 163.

¹⁵ Никоновская летопись // ПСРЛ. Т. XIII. М., 2000. С. 68–69.

¹⁶ Тихомиров М.Н. Новгородский хронограф XVII в. // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 273–323.

антропоморфный, чем «верх», но он, кажется, менее распространен и к тому же несколько более поздний.

Верх = глава и шея

В 1477 г. во время грозы молния попала в «верх церковный» храма Успения Богородицы Симонова монастыря в Москве, причем в результате упали «глава церковная и шея», т.е. мы можем увидеть, что «верх» обозначает всю конструкцию наверху храма, он состоит из главы и находящейся под ней (держщей ее) шеи — светового барабана под куполом: «В лето 6985. Септемвриа 1 гром бысть зело, и стрела громная прииде в верх церковный, и падеся глава церковная и шея внутрь церкви Пречистыя Успение на Симонове, яко поколебатися и месту от гремения страшнаго»¹⁷.

Ту же двусоставность «верха», делящегося на шею и расположенную выше главу, видим в летописном рассказе о сооружении в 1681–1683 гг. в Тобольске каменного Софийского собора, который в 1683 г. был построен почти до самого верха, но в 1684 г. рухнул: «А во 191-м году апреля в 22 день почали созидать святую соборную апосталскую церковь каменную и склали верх шеи немного не до главы. И во 192-м году июня в 17 день паде у церкви столбы и обломилися своды, и верх весь паде внутрь церкви»¹⁸.

Немного сложнее сообщение летописи о постройке Успенского собора Московского Кремля Аристотелем Фиораванти. Под 1478 (6986) г. летописец рассказывает, что у Успенского собора были закончены («свершены») четыре «верха», т.е. четыре главы, но потом относительно средней главы (что следует из контекста и прямого указания, что она «большая») он переходит на термин «шея» и повествует о том, что вокруг нее «Того же лѣта свершена бысть церкви каменная святая Богородица. Сътвори же у нея Аристотель верхи четыре, около шеи большіе казну сътвори, ...»¹⁹.

Шея

Волынский князь Владимир Василькович (ум. в 1289 г.) построил церковь Георгия в Любомле: «в Любомли ж постави ц(е)рк(о)вь каменную с(в)ят(о)го и великого м(у)ч(е)н(и)ка Х(ристо)ва Георгия», причем была начата и стенная роспись этого храма, которая ограничилась только алтарем и была произведена также в церковной шее: «почал же бѣше писати ю и списа все три олтаре, и шия вся съписана быс(ть) но не скончана»²⁰.

¹⁷ Ермолинская летопись // ПСРЛ. Т. XXIII. М., 2004. С. 162.

¹⁸ Сибирские летописи. Ч. 1. Группа Есиповской летописи (Головинская редакция) // ПСРЛ. Т. 36. М., 1987. С. 216.

¹⁹ Львовская летопись // ПСРЛ. Т. XX.. М., 2005. С. 335.

²⁰ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. М., 1998. Стлб. 927.

Очень интересный текст содержится под 1474 (6984) г. в Симеоновской летописи: описывается гроза, во время которой удар молнии разрушил церковный верх (т.е. и купол, и барабан под ним), причем барабан был разрушен «по шейные окна»: «Того же лѣта мѣсяца Августа 31 в 1 часъ нощи бысть громъ страшень и молнія велика, якоже попалити хотяще, и дождь силенъ вельми: громъ же тои въ монастыри на Симановѣ срази верхъ с каменеыя церкве по шейные вокна, и по церкви ходя много мосту рвало, и стѣну у переднихъ двереи проразило насквозѣ, и иконы побило праздничные ...»²¹.

Любопытный, хотя и поздний пример употребления термина «шея» как части определения находим в Рязани: здесь шатровая церковь с высоким и острым шатром называлась церковь Николы Долгошей²², т.е. церковь эта воспринималась «длинношейей». К сожалению, нет точной уверенности в том, с какого времени появилось это прозвище.

Шея = подглавие

В грамоте от 12 марта 1696 г., обращенной к соловецкому архимандриту Фирсу, говорится о том, что Игнатий, митрополит Тобольский, предполагал возвести на Большом Соловецком острове церковь: «построити церковь Святаго Вознесения Господня, а в верху в подглавии, сиречь в шею церковной, церковь Святых Апостол Петра и Павла, по образу церкви творения Святейшаго Никона Патриарха, что на Истре на лугу у Воскресенского монастыря, егоже нарицают Царие Новый Иерусалим, в ней же пустынке и Святейший Никон живяще...»²³. Как видим, термины «шея» и «подглавие» совпадают: и то, и другое находятся ниже главы, т.е. это барабан.

Рамена и плечи

Верхняя часть храма называлась сначала по-церковнославянски — рамена, а затем ее стали называть плечами. Какая это конкретно часть храма, установить не удастся, но мы можем предположить, что это переход от не называемого «туловища» храма к венчающим частям, т.е. область сводов, щипцов, сужения крупного объема — в чем и была параллель с человеческими плечами.

В «Повести о Благовещенской церкви» новгородского происхождения середины XV в. рассказывается о двух братьях, Илье и

²¹ Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. М., 2007. С. 252–253.

²² Ильин М.А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. первая. XI — начало XX вв. / Города Советского Союза в памятниках зодчества. М., 1954. С. 51–53; Вагнер Г.К. Рязань. М., 1971. С. 21.

²³ Мельник А.Г. Священные горы Соловецких островов // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума. М., 2017. С. 82.

Григории, которые строят каменный храм в монастыре на Мячине близ Новгорода; когда храм был достроен до плеч («до рамен»), братьям не хватило средств: «И яко же начаша созидати и совершиша до рамень, и не доставшу сребру на совершение. Они же начаша тужити, не ведущее, что сотворити»²⁴.

Похожая история случилась на строительстве каменной церкви в Клопском монастыре под Новгородом: шторм не дал привезти камень из карьера для храма, построенного «до рамени». Об этом повествуется в «Повести о Михаиле Клопском» середины XV в.: «И заложиха церков на царя Костянтинов день и свершиша церковь до рамени. И не сташа камени. Негде чего добыти стало — погодие велико. А стояло погодие две недели. И мастера хотели прочь пойти»²⁵.

Наконец, в Писцовой книге Старой Русы 1624 г. описывается церковь Николы на Городке, у которой от небрежения во время шведской оккупации разрушились глава и плечи: «На Городке церковь каменная во имя Николы Чюдотворца, пуста, а у нее предел Вход во Иерусалим, глава и плеча розсыпались, а образы и книги и ризы и всякое церковное строенье поимали неметцкие люди во 122-м году»²⁶.

Пояс

Посередине высоты собственно храма находится пояс, нечто, охватывающее здание по периметру. Это могут быть различные по виду формы, но они всегда расположены посередине «тела» храма.

Ипатьевская летопись, описывая труды князя Андрея Боголюбского по строительству каменных храмов во Владимире и в Боголюбове, указывает, что пояса церквей были украшены золотом, т.е. позолочены, как и «верхи» (купола), и «комары» (своды): «и въ Боголюбомъ и въ Володимѣрѣ городѣ. вѣрхъ бо златомъ. оустрои и комары поз(о)лоти. и поясъ златомъ. оустрои каменьемъ оусвѣти. и столпъ позлати. и изовну ц(е)ркви. и по комаромъж(е). поткы золоты и кубъкы и вѣтрила золотомъ оустроена постави. и по всеи ц(е)ркви и по комаромъ около»²⁷. Речь идет, очевидно, об аркатурно-колончатом поясе. Он расположен примерно посередине высоты храмов, так что он мог восприниматься как пояс, перетягивающий «тело».

Примерно в том же контексте можно воспринимать «пояс» в рассказе о недостроенной церкви Богоявления на Троицком дворе в Московском Кремле. В 1473 (6981) г. после пожара 4 апреля

²⁴ Памятники литературы Древней Руси. XIV — середина XV века. М., 1981. С. 464, 466.

²⁵ Повесть о житии Михаила Клопского / Подготовка текстов и статья Л.А. Дмитриева. М.; Л., 1958. С. 92.

²⁶ Писцовая книга Старой Руссы 1624 г. // Писцовые и переписные книги Старой Руссы конца XV–XVII вв. М., 2009. С. 164.

²⁷ Ипатьевская летопись // ПСРЛ. Т. II. Стлб. 580–583.

митрополит Филипп стал болеть и попросился в монастырь, но его определили поблизости в церковь Богоявления на Троицком дворе (подворье Троицкого монастыря): «Князь же великий не попусти волѣ его бытии, отъити гдѣ за градъ въ далній монастырь, но отвезоша его въ близъ ту сущи монастырь, къ Богоявленію, на Троецкой дворъ. И яко отвезоша его тамо, онъ же въ тои часъ посла по отца своего духовнаго и святыхъ таинъ причастися, и масломъ повелѣ свящати ся, князю же великоу глаголаше и приказываше толико о единомъ, чтобы церковь съврѣшена была. Тогда бо бяше еще въздѣлана ея до болшаго пояса, до половины, идѣже кіоты святымъ начаты дѣлати на всѣхъ трехъ стѣнахъ...»²⁸. «Большой пояс», как видим, располагается на половине высоты, в этом поясе устроены и киоты для изображений святых на трех основных сторонах.

В том же, по всей видимости, значении упоминаются «пояса» в 1635 (7143) г. в сметной росписи на возобновление храма Успения в тверском Желтиковом монастыре, которую составил подмастерье Иван Неверов: «... Къ тому же дѣлу надобе на поясы и на одверные оклады и на подставки и на дыни 1000 камни трехпядного, а ломать во Твери изъ порченныя палаты»²⁹.

В сообщении о строительстве храма в Мцхете куропалатом Гуарамом, правившим между 545 и 585 гг., говорится о поясе храма, до которого упомянутый владыка сумел достроить церковь: «И он [Гуарам] приступил к постройке церкви честного креста; до тех пор крест стоял в открытом поле; и он вывел церковь только до пояса»³⁰.

Подошва

И, наконец, внизу здания расположена его подошва (можно было бы сказать и ступня, но в источниках всегда именно подошва). Это и нижняя часть храма и, чаще, его фундамент, углубленная часть храмовых стен.

В 1472 г. в летописном рассказе о постройке Успенского собора Московского Кремля Аристотелем Фиораванти говорится о «подошве» как дне фундаментного рва, которое укрепляют кольями: «Почаша же рвы копати, мѣсяца априля; ископаша же рвы и прежде древои подошву набиша, таже на то каменемъ рвы оны наплѣниша»³¹.

²⁸ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. М., 2001. С. 177; Симеоновская летопись // ПСРЛ. Т. XVIII. С. 246.

²⁹ Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. I. М., 1910. С. 384; Шереметев С.Д. Жёлтиковский монастырь в Твери. М., 1899. С. 12–23. Цит. по: Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Соборный комплекс Тверского Жёлтикова монастыря. Тверь, 2018. С. 99.

³⁰ Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Исследование по истории грузинского искусства / Памятники обмерил с природы и исполнил Н.П. Северов. Тбилиси, 1948. С. 20 (о хронологии правления Гуарама — С. 24–25).

³¹ Продолжение летописи по Воскресенскому списку // ПСРЛ. Т. VIII. С. 170.

В подрядной грамоте 1552–1553 гг., заключенной мастерами Григорием Горяином сыном Царевым и Третьяком Борисовым сыном Ростовкой на строительство на Белоозере (в нынешнем Белозерске) каменной церкви Успения сказано: «а подошву есми дѣлали церковную, Григорей Дьяконовъ съ товарищи, безъ мастерского указа; а взяли есми задатку десять рублевъ наперед»³². Здесь речь идет определенно обо всем фундаменте.

В грамоте царя Федора Ивановича в Антониево-Сийский монастырь 1592 г. сказано, что для Троицкой строящейся каменной церкви этой обители «мастеръ де Захаръ подошву завел и сваи набилъ и каменемъ до половины выбутилъ»³³. Под подошвой здесь подразумевается даже не весь фундамент, а низ фундамента или фундаментный ров.

Однако в Сметной росписи на частичную разборку и восстановление Успенского собора Жёлтикова монастыря в Твери 1635 г. под подошвой имеется в виду самая нижняя часть здания: «А по смете каменных дел подмастерья Ивана Неверова, у церкви Успения Пречистые Богородицы с приделы своды и стены обрушились по самые олтари и завалились внутрь храма и около, и у церкви Успения Пречистые Богородицы переднюю стену разбирать по подошву, а сторонняя и задняя стены по олтари,»³⁴.

В описании фортификаций подошва чаще всего употребляется в смысле низа стены, места сочетания стены и фундамента. В 1589 г. во время похода царя Федора Иоанновича на Нарву стены ливонского города были разрушены русской артиллерией до подошвы: «А под Ругодив государева ходу было и стоянья под городом пять недель, и стены выбили в Ругодиве из наряду от Ракобора 80 сажен по подошву...»³⁵. Примерно также употребляет термин Арсений Суханов в описании одного из виденных им турецких (греческих) городов: «И на той правой стороне был городъ великъ каменной, стоялъ на горѣ и сведен с горы былъ до самага протока; и тотъ городъ нынѣ разоренъ по самую подошву»³⁶.

³² Акты, относящиеся до юридического быта древней России. Изданы Археологическою комиссиею под редакцией члена комиссии Николая Калачова. Т. II. СПб., 1864. С. 776.

³³ Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1878. Кн. 3 (июль – сентябрь). М., 1878. С. 31.

³⁴ Шереметев С.Д. Жёлтиковский монастырь в Твери. С. 12–23. Цит. по: Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Указ. соч. С. 99.

³⁵ Тихомиров М.Н. Русское летописание. М., 1979. С. 202 (Соловецкий летописец второй половины XVI в.).

³⁶ Проскинитарий. Хождение строителя старца Арсения Суханова в 7157 (1649) году во Иерусалим и в прочие святые места, для описания святых мест и греческих церковных чинов (памятник XVII столетия). Казань, 1870. С. 20.

В нижней части крепостных стен расположен и подошвенный бой, т.е. самый нижний уровень бойниц. Видим подошвенный бой в 1697 г. в «Отписке нижегородских воевод стольников Ивана и Михаила Нелидовых о прибытии их 14 января в город и о принятии у прежнего воеводы Ивана Овчина города»: «... на двух стенах 4 боя подошвенные. ... А каменного города подошвенных боев и подлазов и тайников и на городской стене пушечных боев и иных всяких крепостей в тайных местах подошвенных боев проходы где были каменные лестницы осыпали и обвалились и осмотреть и подлинно описать невозможно также и на городовую стену взойти и на ней каменных верхних боев и всяких верховою бою крепостей осмотреть и описать невозможно»³⁷.

Глава и подошва

Обозрение церкви Николы Можайского или Казанской, рассевшейся «до подошвы», у которой провалилась «глава», находим в писцовых книгах города Муром 132 (1624) г. По описи Бартенева: «Да за городом же на посаде в Никольской улице церковь великого чудотворца Николы Можайского каменная. ... а церковь с жару расселась до подошвы и глава сверху провалилась»³⁸. Мы видим разрушающийся храм от главы до подошвы, т.е. охватываем его единым взглядом, целиком.

Всё «тело» храма

Есть источники, в которых храм обозревается не «одномоментно», от главы до подошвы, как в только что приведенной описи, а подробнее, с деталями. В «Толковой службе» по Новгородской кормчей (список 1282 г.) дается символическое толкование частей храма, которые перечисляются так, как мы рассматривали антропоморфные части храма, сверху вниз: «Главою же ц(е)рк(о)внуюю държить х(ри)с(то)с(т)ъ шию ап(о)с(то)ли а пазоухы еуаг(е)листи. А поясъ праздници»³⁹.

Примерно то же видим в Толковой службе» по Чудовской кормчей (список второй половины XV в.): «Врѣхъ ц(е)рковныи естъ глава господня. Главу бо ц(е)рковную д(е)рѣжитъ Х(ристо)с, шию ап(о)с(то)ли, а пазухи еу(а)г(е)листи, а поясъ праздници двери олтарю образ

³⁷ Трофимов И.В., Кирьянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М., 1952. С. 345.

³⁸ Историко-статистическое описание церквей и приходов Владимирской епархии. Вып. 4. Владимир, 1897. С. 153–157.

³⁹ Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследование и тексты. М., 2012 («Толковая служба» по Новгородской кормчей). С. 359.

сп(а)совъ»⁴⁰. Итак, в храме выделяется церковная глава (которую держит Христос), шея (которую держат апостолы), пазухи (в данном случае паруса, которые держат евангелисты, но также полости, слово явно связанное с антропоморфным взглядом на архитектуру), а также пояс (в данном случае не совсем понятно — это пояс иконостаса с праздниками или пояс храма).

В этой группе текстов, вероятнее всего переводных с греческого, заметно влияние концепции монументальной росписи храма, когда смысловые (символические) аспекты архитектуры определены иконографией росписи с Христом Пантократором в куполе, апостолами в шее, евангелистами в парусах и праздниками в поясе. Для нашей темы важным является то, что храм осознается в деталях с помощью антропоморфных терминов, что он видится как подобие человеческого тела с верхом (главой), шеей, пазухами и поясом.

Итак, заканчивая обзор источников по антропоморфным терминам и антропоморфному видению древнерусского храма, подведем итоги. Мы выявили, что храм рассматривается не снизу вверх, а сверху вниз, от главы к подошве. Всего отмечено десять терминов, связывающих храм и человеческое тело: 1) обобщенный «верх»; 2) «глава»; 3) «лоб»; 4) «подглавие»; 5) «шея»; 6) «плечи» («рамена»); 7) «пазухи»; 8) «пояс»; 10), «подошва».

Отметим, что относительно храма авторы не употребляют терминов «тело» или, тем более, «конечности». Относительно «тела» нужно сказать, что оно подразумевается (это у тела могут быть «плечи», «пазухи», «пояс»), как подразумеваются и конечности: они развиваются от «плечей» (руки) или заканчиваются «подошвой» (ноги). Но эти конечности не конкретизируются, им не находится места в общем видении, которое, таким образом, представляет храм как некую смутную фигуру, у которой есть голова и тело, есть плечи, пояс и подошва, но других форм нет. Этот способ обобщенного видения, в котором выступают из общего облака в основном детали наверху, дает представление о том, на чем сосредотачивался взгляд средневекового человека, смотрящего на каменный храм: он концентрировался на соотношении главы с шеей («верха») и обобщенного тела с плечами (и поясом посередине высоты тела). Это соотношение улавливаем и мы, современные зрители средневековых храмов.

Такой принцип описания храма как антропоморфной структуры находит себе аналогию в способе описания и примененных терминах описания пропорций человеческого тела, основанных на античных исследованиях и распространенных в развитом и позднем Средневековье.

Так, в Ерминиях, поствизантийских и переводных славянских руководствах по живописи, пропорции человеческой фигуры пода-

⁴⁰ Там же. С. 369.

вались как неизменные и легко размеряемые. Если посмотреть, как членится фигура человека в таких руководствах, то это голова, шея, плечи и пояс (талиа); всё это (человек «от чела до подошвы» — как храм «от главы до подошвы») делится на меры и кажется просто размеряемым: «Показание размеров человеческого тела. Ученик мой! Знай, что естественный рост человека от чела до подошвы измеряется девятью яйцами (лицами, головами. — В.С.) или мерами. Сперва размерь голову, разделив ее на три части: в первой из них помести чело, во второй нос, а в третьей остальную часть лица, волосы же пиши за чертою сего яйца, на меру носа. Потом от подбородка до середины тела отмеряй три равные части и до колен две, отбавив на колени часть, равную носу. Далее еще две части отмеряй до лодыжек и от них часть, равную носу, до подошвы, да до ногтей одну часть. Опять от горла до плеча отмеряй одну часть и столько же до другого плеча; на округление каждого плеча отбавь часть, равную носу; до локтя же с внутренней стороны отмеряй одну часть, а отсюда до ручной кисти одну часть и отсюда до оконечностей пальцев одну часть. Что касается до глаз, то размер их одинаков и расстояние между ними столько же длинно, сколько длинен глаз. Когда голова пишется наискось, тогда пространство от глаза до уха равняется длине двух глаз; когда же пишется прямо против зрителя, тогда берется мера одного глаза. Если человек рисуется нагой, то середина его в ширь определяется четырьмя носами, а если в одежде одним с половиною яйцом. Пояс рисуется там, где оканчивается локоть»⁴¹.

Рассказ о пропорциях ведется сверху вниз, как в описаниях храмов. Сходство между описаниями храмов и расчетом пропорций человеческой фигуры наводит на мысль о возможности применения еще в древности, пусть не точного, пусть очень приблизительного, но одинакового для архитектуры и человеческого тела способа пропорционального расчета. То есть об определенной корреляции между пропорциями человека и храма, о возможности оценивать пропорции храма через мысленное соотнесение его высоты, его ширины, его общих пропорций и пропорций его отдельных частей с пропорциями человека. Таким образом, определения «тяжелый», «грузный», «стройный», «легкий» и другие, подобные могут быть соотнесены именно с человеком, не с абстрактной системой идеальных пропорций храма, а с устоявшимися, принятыми за совершенные пропорциями человеческого тела.

Эти расчеты пропорций человеческой (мужской) фигуры опираются на какие-то более ранние, не дошедшие до нас византийские

⁴¹ Гренберг Ю.И. Греческие и южнославянские типики в списках XV–XIX веков о технике иконописи, настенной живописи и рукописной книги. М., 2000. С. 64 (цитируется Ерминия 1701–1733 г.); см также похожий фрагмент из Ерминии 1566 г. С. 93–94.

источники. Это был очень прочный, мало или почти не изменяемый способ расчета пропорций, который, насколько нам известно, отразился в наиболее раннее известное нам время в книге Ченнино Ченнини, флорентийского живописца, написавшего в 1437 г. трактат о живописи. Относительно пропорций человека в главке 70 (LXX), названной «Пропорции, которые должно иметь человеческое тело совершенного сложения» он пишет буквально следующее:

«Заметь, что прежде чем идти дальше, я хочу тебе дать пропорции мужчины. Пропорции женщины я оставляю в стороне, так как в них нет совершенных мер. Во-первых, как сказано выше, лицо делится на три (равные) части, а именно: лоб — одна, нос — другая, от носа до (конца) подбородка — третья; от края носа вдоль всего протяжения глаза — одна из этих мер; от конца глаза до конца уха — такая же мера, от одного уха до другого — длина лица; от подбородка до основания шеи — одна из трех мер; шея — в одну меру длины; от низа шеи до края плеча — длина лица, то же до другого плеча; от плеча до локтя — одно лицо; от локтя до запястья — лицо и одна из трех мер; длина всей кисти руки — одно лицо; от основания шеи до верха желудка или живота — одно лицо; от верха живота до пупка — одно лицо; от пупка до верха бедер — одно лицо; от верха бедер до колена — два лица; от колена до пятки — два лица; от пятки до подошвы — одна из трех мер; ступня — длина одного лица.

Высота человека равна его ширине при вытянутых в стороны руках. Руки вместе с кистями достают до половины бедер. Весь же человек имеет в длину восемь лиц и две из трех мер»⁴². Заметим только, что тело у Ченнини равно по высоте восьми мерам и двум малым мерам, тогда как в Ерминии высота тела равна девяти мерам. Но принцип расчета пропорций тела очень близок.

Все эти расчеты восходят к античным представлениям, хотя они со временем менялись, располагая разное число мер в общей пропорциональной схеме⁴³.

В очень далекой перспективе, из древнерусской реальности и из области древнерусской образованности, не столь уж большой и наполненной, словно в тумане просматривается античное представление о соразмерности человеческого тела и архитектуры, о взаимосвязанности человеческой и архитектурной соразмерностей.

Это античное представление было с большой полнотой передано Витрувием, начало первой главы третьей книги «Десяти книг об архитектуре» которого мы приводим полностью:

⁴² Ченнини Ч. Книга об искусстве, или Трактат о живописи. Практическое руководство. СПб., 2016. С. 79–80.

⁴³ Пановский Э. История теории человеческих пропорций как отражение истории стилей // Пановский Э. Смысл и толкование изобразительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб., 1999. С. 77–128.

«1. Композиция храмов основана на соразмерности, правила которой должны тщательно соблюдать архитекторы. Она возникает из пропорции, которая по-гречески называется *αναλογία*. Пропорция есть соответствие между членами всего произведения и его целым по отношению к части, принятой за исходную, на чем и основана всякая соразмерность. Ибо дело в том, что никакой храм без соразмерности и пропорции не может иметь правильной композиции, если в нем не будет такого же точного членения, как у хорошо сложенного человека.

2. Ведь природа сложила человеческое тело так, что лицо от подбородка до верхней линии лба и начала корней волос составляет десятую долю тела, так же как и вытянутая кисть от запястья до среднего пальца; голова от подбородка до темени — восьмую, и вместе с шеей, начиная с ее основания от верха груди до начала корней волос, — шестую, а от середины груди до темени — четвертую. Что до длины самого лица, то расстояние от низа подбородка до низа ноздрей составляет его треть, от низа ноздрей до раздела бровей — столько же, и лоб от этого раздела до начала корней волос — тоже треть. Ступня составляет шестую часть длины тела, локтевая часть руки — четверть, и грудь — тоже четверть. У остальных частей есть также своя соразмерность, которую и принимали в расчет знаменитые древние живописцы и ваятели, и этим достигли великой и бесконечной славы.

3. Подобно этому и части храмов должны, каждая в отдельности, находиться в самой стройной соразмерности и соответствии с общей величиной всего целого. Далее, естественный центр человеческого тела — пупок. Ибо если положить человека навзничь с распростертыми руками и ногами и приставить ножку циркуля к его пупку, то при описании окружности линия ее коснется пальцев обеих рук и ног. Точно так же, как из тела может быть получено очертание окружности, из него можно образовать и фигуру квадрата. Ибо если измерять расстояние от подошвы ног до темени и приложить ту же меру к распростертым рукам, то получится одинаковая ширина и длина, так же как на правильных квадратных площадках.

4. Следовательно, если природа сложила человеческое тело так, что его члены по своим пропорциям соответствуют внешнему его очертанию, то древние были, очевидно, вполне правы, установив, что при постройках зданий отдельные их члены должны находиться в точной соразмерности с видом всей фигуры. Поэтому, передав нам во всех своих произведениях надлежащие правила их построения, они сделали это в особенности для храмов богов, так как и достоинства и недостатки этих зданий обычно остаются навеки»⁴⁴.

⁴⁴ *Витрувий*. Десять книг об архитектуре / Перевод Ф.А. Петровского / Классики теории архитектуры / Под общей ред. А.Г. Габричевского. Витрувий. Т. I. Текст трактата. М., 1936. С. 65–66. См. также другой перевод, в целом передающий текст сходно: *Марк Витрувий Поллион*. Об архитектуре. Десять книг / Перевод с лат., ред.

В данной теме можно было бы опереться на приведенную фразу Витрувия о том, что «никакой храм без соразмерности и пропорции не может иметь правильной композиции, если в нем не будет такого же точного членения, как у хорошо сложенного человека». В какой-то мере это было бы правильно, но с точки зрения исторической — нет, поскольку сама эта фраза античного архитектора не была известна в Древней Руси и позднее, она была заключена в том «тумане», который представляла собой для древнерусского человека византийская образованность: это был некий так никогда до конца и не усвоенный во всей полноте материал, из которого черпались какие-то фрагменты или части, касающиеся дел практических, догматических. Речь идет не о прямой опоре на античное и византийское знание, а о серии отражений, отсветов этого знания на Руси. Каким-то непрямым путем представление о храме как системе точных членений, в чем-то похожих на членения хорошо сложенного человека, перешло в древнерусскую культуру, отразившись в системе терминов или понятий, которыми описывались православные храмы Руси.

Для нашей темы важнее не различия в пропорциональных расчетах (десять лиц в человеческом теле по Витрувию, восемь и две трети по Ченнини и девять — по Ерминии), а то, что древнерусская культура в целом и древнерусская архитектура в частности были продолжением византийской традиции, в свою очередь опиравшейся на традицию античную. Древнерусская архитектура была культурой воспринимающей, не столько мыслящей самостоятельно, сколько мыслящей «по образцу» и по уже состоявшемуся поводу. Эта вторичность заставляет все время оглядываться на византийскую практику, на ее глубину, обращенную к античности. Однако в этой оглядке нельзя потерять определенности того, что мы видим в источниках.

А в приведенных источниках мы видим довольно целостную картину восприятия древнерусского, христианского храма, а именно антропоморфного восприятия, которое раскрывается через употребление терминов, соответствующих членам человеческого тела. Это уподобление частей православного храма частям человеческого тела проводится последовательно, причем в той же системе, которая устоялась при описании тела человека еще в античности: сверху вниз.

Термины, связанные с человеческим телом, как и древние, еще античные представления о соразмерности хорошо сложенного человеческого тела, позволяют нам не столько начать измерять древнерусские храмы на «лица» или «стопы», сколько подойти к этим храмам с позиции не до конца понимаемой, но ощущаемой пропорции. Эти

и введ. А.В. Мишулина. Л., 1936. С. 76–77. Разбор представлений греков о гармонии и строе см.: Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной архитектоники. Л., 1947. С. 80–181.

храмы можно рассматривать как «хорошо сложенные», гармоничные, или же созданные с применением приземистых или, наоборот, вытянутых пропорций. С точки зрения объективного знания это мало что дает, но для восприятия замысла может быть ключом: наши пока целиком субъективные оценки общей композиции и ее соразмерности могут опираться на тот факт, что храм в целом виделся как фигура, а потому не только сейчас, но и в древности мог восприниматься как соразмерное целое. В случае нарушения этой соразмерности мы можем предположить, что это нарушение (например — в сторону вытянутости, «башнеобразности») было обдумано и обосновано в момент создания, и что мастер, создававший эту нарушенную соразмерность (преувеличенную в ту или иную сторону) думал о человекоподобии храма и осознавал последствия своего задуманного нарушения.

Изложенную выше систему антропоморфности православных храмов, пусть приблизительную, вряд ли изобрели древнерусские мастера. Мы можем осторожно предположить, что она пришла на Русь из Византии. Однако у нас нет полной уверенности в этом: византийский материал с этой точки зрения пока не слишком хорошо изучен. У нас есть только разрозненные указания на то, что в Византии понимание храма как антропоморфной структуры было распространено и продумано. Выше мы привели пример с Хрисокефалос, «златоглавым» храмом в Константинополе; есть еще указание на «пояс» в грузинском храме (находящемся в византийской зоне влияния). Есть еще некоторые следы подобного взгляда в экфрасисе, описании Святой Софии в Константинополе, составленном в стихах Павлом Силенциарием в VI в.; в этом тексте рассеяны такие эпитеты, касающиеся храма, как «широкогрудый», а также описывающие части храма термины — «верх», «глава», «лоб», «подбородок», «пазухи», «хребет», «подошва»⁴⁵. В принципе эти термины вполне могли (через множество посредников в виде более поздних византийских сочинений, переведенных на Руси) перейти в древнерусскую литературную традицию.

Вопрос о византийском происхождении остается дискуссионным. А вот на Руси эта система, хотя она, вероятно, и была пере-

⁴⁵ *Виноградов А.Ю., Захарова А.Д., Черноглазов Д.А.* Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб., 2018. С. 272–273 («прекрасноверхого храма вершина», здесь «глава» то же самое, что «верх»); С. 266–267 («широкогрудый же храм»), С. 274–274 («подножье», буквально «подошва»); С. 282–283 («шея», или «выя»); С. 284–285 («златыми главами»); С. 288–289 («глава шлемовидная»; «пазухи»), С. 296–297, 299 («хребет»), С. 300–301; С. 306–307 («подбородок»). Благодарю А.Ю. Виноградова за консультацию по терминам перевода. Об антропоморфности отдельных частей Софии Константинопольской в описании Павла Силенциария говорит и автор современного перевода на итальянский и комментатор: *Fobelli M.L.* Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Costantinopoli e la descrizione di Paolo Silenziario. Roma, 2005. P. 19–21, 131, 135, 143.

водной, заимствованной, оказалась живучей, она применялась при описании храмов с XI по XVII в., поражая нас последовательностью и неизменностью терминов. Эта устойчивая терминология и общий взгляд на православный храм как антропоморфную структуру дает нам определенный ключ к пониманию пропорций в древнерусской храмовой архитектуре, а также дает исследователям в руки определенный метод, в котором присутствует более уверенное определение пропорционального строя памятников — с оглядкой на их антропоморфность.

Список литературы

Афанасьева Т.И. Древнеславянские толкования на литургию в рукописной традиции XII–XVI вв. Исследование и тексты. М.: Университет Дмитрия Пожарского, 2012. 393 с.

Вагнер Г.К. Рязань. М.: Искусство, 1971. 154 с.

Виноградов А.Ю., Захарова А.Д., Черноглазов Д.А. Храм Святой Софии Константинопольской в свете византийских источников. СПб.: Пушкинский Дом, 2018. 486 с.

Гренберг Ю.И. Греческие и южнославянские типики в списках XV–XIX веков о технике иконописи, настенной живописи и рукописной книги. М.: ГосНИИР, 2000. 160 с.

Ильин М.А. Рязань. Историко-архитектурный очерк. Ч. первая. XI — начало XX вв. / Города Советского Союза в памятниках зодчества. М.: Государственное издательство литературы по строительству и архитектуре, 1954. 178 с.

Макарий, епископ. Исторические сведения об Антониевом Сийском монастыре // Чтения в императорском обществе истории и древностей Российских при Московском университете. 1878. Кн. 3 (июль – сентябрь). М., 1878. С. 1–122.

Мельник А.Г. Священные горы Соловецких островов // Святые горы в иеротопии и иконографии христианского мира. Материалы международного симпозиума. М.: Феория, 2017. С. 81–83.

Михайлов Б.П. Витрувий и Эллада. Основы античной архитектоники. Л.: Издательство Академии архитектуры СССР, 1947. 279 с.

Пановский Э. История теории человеческих пропорций как отражение истории стилей // Пановский Э. Смысл и толкование образительного искусства. Статьи по истории искусства. СПб.: Гуманитарное агентство «Академический проект», 1999. С. 77–128.

Салимов А.М., Данилов В.В., Салимова М.А., Романова Е.А. Соборный комплекс Тверского Жёлтикова монастыря. Тверь, 2018. 136 с.

Седов Вл.В. Церковь Двенадцати Апостолов в Новгороде // Великий Новгород и Средневековая Русь. Сборник статей к 80-летию академика В.Л. Янина. М., 2009. С. 172–189.

Тихомиров М.Н. «Список русских городов дальних и ближних» // Тихомиров М.Н. Русское летописание. М.: Наука, 1979. С. 83–137.

Трофимов И.В., Кирьянов И.А. Материалы к исследованию Нижегородского кремля // Материалы и исследования по археологии СССР. № 31 / Материалы и исследования по археологии древнерусских городов. Т. II. Крепостные сооружения Древней Руси. М.: Издательство Академии наук СССР, 1952. С. 318–346.

Уваров А.С. Сборник мелких трудов. Т. I. М.: Типография Г. Лиснера и Д. Собко, 1910. 408 с.

Чубинашвили Г.Н. Памятники типа Джвари. Исследование по истории грузинского искусства. Памятники обмерил с натуры и исполнил Н.П. Северов. Тбилиси: Издательство АН Грузинской ССР, 1948. 218 с.

Fobelli M.L. Un tempio per Giustiniano: Santa Sofia di Constantinopoli e la descrizione di Paolo Silenziario. Roma: Viella, 2005. 231 p.

Macrides R., Magdalino P. The architecture of ekphrasis: construction and context of Paul the Silentiary's poem on Hagia Sophia // Byzantine and modern Greek Studies (BMGS). 1988. N 12. P. 47–82.

Поступила в редакцию
17 мая 2020 г.